

ФЕНОМЕН ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ

Матуйзо Д.Ю.

*магистр культурологии, преподаватель кафедры менеджмента
социально-культурной деятельности УО «Белорусский государственный
университет культуры и искусств» (Республика Беларусь, г. Минск)*

Феномен традиционной культуры в современном обществе получил широкое обсуждение в современной науке. Анализ различных взглядов на данную проблему позволяет проследить несколько направлений. В качестве иллюстрации данных подходов мы прибегнем к работам как отечественных, так и некоторых российских и западных исследователей.

К первому мы отнесем исследователей, которые убеждены, что архаический пласт традиционной культуры не просто существует, но и функционирует в современном обществе. Сфера его бытования ограничена, данная культура находится под угрозой исчезновения, поэтому необходимо прилагать все усилия, чтобы сохранить традиции. Более того, традиции прошлого надо не только сохранять, но и возрождать, включать во все сферы жизни общества. Традиции данные исследователи понимают как отголосок прошлого, сохранившийся до наших дней и актуальный хотя бы потому, что в нем сосредоточено все лучшее, что есть у народа, и, чаще всего, полностью ассоциируют их с деревенской культурой. Продолжение этнической традиции в аутентичном варианте они видят даже среди новых явлений, таких, например, как постфольклор.

Т.А. Пладунова, например, говорит о важности репрезентации наиболее ярких явлений коренной белорусской культуры. Преимущество и актуализация коренной белорусской культуры, по ее мнению, эффективно осуществляется в любительских фольклорных группах, которые пропагандируют календарно-обрядовые праздники, осуществляя поиск «перспектив введения их в контекст современной художественной культуры в качестве эстетически организованной традиции» [8, с. 25–27].

Э.К. Дорошевич, например, рассуждает о нематериальном культурном наследии как о руральных обычаях и обрядах, технологиях народных промыслов, манерах исполнения жанров аутентичного фольклора, которые существуют «вживую» в быту этноса и передаются устным путем [2, с. 136–139]. В другой статье тот же автор говорит об успешных попытках «вывести постфольклорных исполнителей селекционно», чем, в частности, занимается БГУКИ. Их художественная деятельность, с одной стороны, не может считаться «классическим» фольклором, поскольку имеет место не в деревне; с другой, будет ошибкой относиться к этим группам как к художественной самодеятельности, поскольку в «лучших своих проявлениях они явно несут в себе структурные и формосозидательные черты и живой «нерв» традиции, своеобразную органику этнической культуры» [3, с. 228–231].

Л.П. Сивурова констатирует, фольклорные фестивали свидетельствуют, что «в Беларуси по прежнему в живом обиходе сохранился архаический календарно-обрядовый пласт традиционной культуры» [9, с. 104].

Во вторую группу мы отнесем исследователей, которые, признавая всю ценность традиционной культуры, подчеркивают, что сущность и характер ее функционирования, а так же формы проявления в современной культуре значительно изменились. По сути, речь идет, скорее, о народной (в смысле неакадемической, непрофессиональной), чем о традиционной культуре, а также о ее взаимосвязи с другими пластами культуры.

По мнению Г.Ф. Шауро, в современном осмыслении «народное искусство» как термин, обозначающий в широком понимании глубинные пласты народной духовной культуры, охватывает широкий круг явлений от бытового искусства крестьян в условиях натурального хозяйства до современных проявлений творческой активности трудящихся масс. Вместе с тем, он полагает, что современный уровень его развития не может замыкаться в рамках только традиционных форм синкретичного характера. Автор подчеркивает, что народное искусство в значительной степени оторвалось от бытовой основы, приобрело чисто эстетический характер [12, с. 113–115].

А.В. Морозов утверждает, в современном народном творчестве преобладают принципиально новые явления постфольклора городского населения, которые активно взаимодействуют с массовой культурой по содержанию и стилистике, функциональности и ценностным ориентациям. Автор заключает, что ведущей тенденцией в развитии народных традиций остается ориентация преимущественно на вторичные формы, или фольклоризм, для которого характерно включение элементов, маркирующих этническое сознание, в современные бытовые и эстетические системы [6, с. 37–41].

Позиция А.В. Морозова перекликается со взглядами на проблему российского исследователя С.Ю. Неклюдова, который сопоставляет «архаический» (аутентичный, характерный для «бесписьменных» обществ, не дошел до нас в «живом» виде), «классический» («сельский», характерный для письменных обществ, именно он и является объектом изучения фольклористики, несмотря на то, что также утратил свои традиционные черты) и городской (сросшийся с массовой культурой, сильно отличается от предыдущих форм). Автор, на наш взгляд, очень удачно разграничивает эти понятия, избегая таких терминов как народная и традиционная культура. В какой-то степени, его можно было бы отнести и в третью группу [7].

Известный российский исследователь А.В. Костина применяет понятие «официальной» традиционной культуры», которым, характеризовалась советская массовая культура, пытавшаяся имитировать народное творчество, тщательно собираемое, анализируемое, подвергаемое музеефикации и каталогизации. Однако, в современной культуре (автор рассуждает о российской, на нам кажется, что эта тенденция присутствует и в Беларуси, причем даже в большей степени) собственно фольклор занял положение

«неофициальной вытесненной культуры», в то же время, псевдо-фольклор, а, по существу, массовая культура, стал официальным и широко рекламируемым [5, с. 101]. По сути, исследователь занимает промежуточное положение между первым и вторым подходами. Отстаивая существование традиционной культуры и ее самоценность, она выступает за новые подходы к ее осмыслению.

Существует, однако, мнение, что говорить о традиционной культуре в ее аутентичном варианте в контексте современной культуры вовсе неправомерно, поскольку данный тип может существовать только в условиях традиционного общества. Существование же этого пласта культуры носит инструментальный характер и социально-политически ангажировано.

Х.С. Гафаров и Ю.Ю. Гафарова считают, что современная культурная ситуация характеризуется «глобализацией модерна», приводящей к утрате аутентичных характеристик локальных культур. Вместо «восстановления аутентики» они предлагают «сравнение «материнской» традиции с модификациями, произошедшими в процессе модернизации» и «сопоставление зависимости локальных вариаций типологической инварианты от специфики дисперсности и «смещенности» культурного контекста» [1, с. 24–26].

Анализ источников показал, что последняя точка зрения достаточно редкая среди белорусских исследователей данной проблематики. Вместе с тем, на наш взгляд, она является наиболее актуальной и адекватной действительности. Более широкую разработку эта идея получила в российской и западной науке.

По мнению А.Я. Флиера, фольклорная (народная) культура в наши дни все больше и больше лишь «сценически имитируется по записанным образцам, окостеневаает в фиксированных формах, что подлинной народной культуре не свойственно по определению, т.е. превращается в «сценическую народноподобную». Но, очевидно, что социальный заказ и на такие имитативные формы в каких-то пределах будет сохраняться в определенных социальных слоях и особенно слоях, идеологически ориентированных на этно-традиционные ценности [10].

Критика традиционной культуры в ее «классическом» понимании и подчеркивание ее конструктивистского и инструментального характера – одна из отличительных черт постмодернизма. «Традиционная культура», по мнению А. Хансона, «в большей мере изобретение, сконструированное ради современных целей, чем стабильное наследие, воспринятое от прошлого». С точки зрения постмодернистов, любой отчет о культуре, любое ее описание есть на самом деле изобретение культуры [11, с. 20].

Таким образом, очевидно, что выделение традиционной культуры в «классическом» понимании в современном белорусском обществе может быть подвергнуто серьезной критике. О последней можно рассуждать лишь как о идеализированном объекте. В реальности она смогла дойти до нас только в виде законсервированных образцов; говорить же о том, что она имеет бытование в современном (постиндустриальном) обществе, в том

числе в Беларуси, едва ли правомерно. По нашему убеждению, живучесть в науке такого фольклорно-этнографического подхода к народной культуре, а также поддержание высокого статуса «образа» последней и использование ее в государственной национальной культурной политике может быть довольно удачно объяснено в свете постмодернистской трактовки культуры, как в целом, так и традиционной, в частности. Очень показательны конструирование и пропаганда современной «официальной» народной культуры. Она, хоть и основана на сущностных чертах традиционной народной культуры и, безусловно, содержит основательный этнический компонент, предлагается людям «сверху», существует за счет государственной поддержки и является инструментом манипулирования массами.

Выделение социокультурных пластов в современном обществе и определение четких форм культуры становится все более проблематичным. Вместе с тем, это не означает, что коренная (этническая) культурная традиция исчезла: она, по нашему убеждению, продолжает существовать, но уже не может быть социально локализована и представлена в качестве самостоятельного пласта локальной (региональной) культуры.

Те образцы народной традиционной культуры, которые используются в современной «официальной» народной культуре, за редким исключением, едва ли можно назвать живой культурной традицией – это, чаще всего, этнографический материал, зафиксированный ранее и дошедший до нас в виде «памятников» культурного наследия [4, с. 58]. Эти «традиционные» формы культурной практики существуют, во многом, благодаря государственной поддержке, и являются компонентом государственной культурной политики как формы социального контроля над массами. Вместе с тем, рассматривая культуру как систему элементов, имеющих сложные взаимосвязи и не всегда поддающихся четкой иерархизации, представляется возможным выделить своего рода *первоэлемент*, который связывает их в некую целостность, по-разному проявляясь в каждом из них. Таким первоэлементом может послужить этническая культурная традиция, которая содержит в себе черты как культурного феномена, так и культурного механизма. Она имеет архаическое происхождение, хотя и трансформировались в процессе культурогенеза. Культура, в свою очередь, может рассматриваться как система различным образом взаимодействующих и создающих разнообразные конфигурации традиций, одной из которых является этническая.

1. Гафаров, Х.С. Культуры в эпоху глобализации и проблема необходимости эпистемогерменевтических изменений актуального анализа / Х.С. Гафаров, Ю.Ю. Гафарова // Культура ва ўмовах глабалізацыі. – Мінск : БДУКМ, 2010. – 209 с.

2. Дарашэвіч, Э.К. Нематэрыяльная культурная спадчына ў структуры сучаснай культуры / Э.К. Дарашэвіч // Культура ва ўмовах глабалізацыі. – Мінск: БДУКМ, 2010. – 209 с.

3. Дарашэвіч, Э.К. Постфальклор у Беларусі / Э.К. Дарашэвіч // Беларуская культура ва ўмовах глабалізацыі. – Мінск: БДУКМ, 2011. – Т.1 – 406 с.

4. *Каргин, А.С.* Сохранение нематериального культурного наследия народов РФ как приоритет культурной политики России в XXI веке / А.С. Каргин, А.В. Костина // Культурная политика. – 2008 – №3 – С. 59-71.

РЕПОЗИТОРИЙ БГУКИ